

По ЗОЖу сердца

Автор:

Павел Устинова

По ЗОЖу сердца

Татьяна Витальевна Устинова

Павел Алексеевич Астахов

Дела судебныеЯ - судья #6

Судью Елену Кузнецову подставили и оклеветали! Против нее ополчились все столичные СМИ – кто-то весьма успешный и влиятельный затеял эту травлю в массмедиа. Следы ведут в компанию, специализирующуюся на здоровом питании и техниках просветления. Лену угораздило однажды сходить туда на тренинг и благополучно покинуть это заведение, а теперь ее обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах. А ведь совсем недавно подобные проблемы настигли и других успешных женщин, посещавших эти тренинги, и теперь их судьба плачевна. Лене придется приложить все силы, чтобы не повторить их историю...

Татьяна Устинова, Павел Астахов

По ЗОЖу сердца

© Астахов П., Устинова Т., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1. Про сломанную ногу, порезанную руку и разбитое сердце

Что может быть уютнее, чем утро первого января?

За час-другой до рассвета шумный праздник наконец затихает, и в целом свете устанавливается хрустальная тишина. Воздух пахнет порохом, хвоей и мандаринами, на елке гипнотически мигают разноцветные огоньки, и тело греет теплый плед, а душу – мысль о том, что в холодильнике полно вкусной еды, которой хватит еще на пару дней.

Ах, как спокойно и бестревожно чудесное утро первого января...

Ба-бах!

Хрустальная тишина разбилась с грохотом и дребезгом. Старый дом содрогнулся.

Бабахнуло очень близко и совершенно не похоже на праздничный салют, к тому же крики за взрывом последовали отнюдь не радостные. Информации в них содержался сущий минимум: кто-то отчаянно ревел, а кто-то прочувствованно матерился.

Я различила два голоса, и оба были мне прекрасно знакомы. Трубный лосиный рев издавал мой любимый племянник Сенька, а вдохновенно ругалась его мама Натка.

Я торопливо выпуталась из пледа, в который заботливо запеленал меня похрапывающий рядом Никита. Сам он предусмотрительно уснул, накрыв голову подушкой, и потому сейчас только поворочался немного, недовольно бормоча.

Не теряя времени на поиски тапок, я поспешила на шум.

Ругань уже стихла, но рев еще продолжался и служил мне указателем направления. Он был совсем не лишним: в недавно перестроенном летнем доме Говорова я еще не освоилась и в темноте ориентировалась плохо, а искать на стенах выключатели в спешке не стала.

Вскоре выяснилось, что электрическим освещением пренебрегла не только я.

Источник шума обнаружился в кладовке.

Я не сразу поняла, что именно происходит, потому что в помещении было темно, только у самого порога лежал включенный фонарик, бестолково подсвечивающий снизу высокий, до потолка, стеллаж с домашней консервацией.

В круге желтого света красиво блестели выпуклые бока трехлитровых банок, яркий блик в нижнем ярусе сюрреалистически акцентировал красную скибку соленого арбуза. Испещренная черными семечками, она неприятно походила на издевательскую улыбку, кариозную и щербатую.

– Весело, весело встретим Новый год, – пробормотала я и запоздало охлопала стену у двери в поисках выключателя. Свет зажегся, а рев неожиданно испуганно притих. – Вау! Ничего себе!

– Ты только не подумай, мы не нарочно, – заверила меня Натка и отпихнула носком промокшего тапка кусок на редкость дюжего соленого огурца.

Тот покатился колбаской и остановился, вызываяще покачиваясь в неустойчивом равновесии, в шаге от меня.

Я не выдержала и тоже наподдала ему ногой.

– Вы зачем сюда залезли?

Кладовая, стратегические запасы в которой сформировали еще бабушка и дедушка Говорова, царство им небесное, представлялась мне чем-то средним между сокровищницей Али-Бабы и музеем капитал-шоу «Поле чудес».

Судя по количеству и глубине полок, сплошь заставленных банками, коробками, ящиками и даже бочонками, запасливые предки моего любимого мужчины обеспечили пропитанием не только самого Никиту, но и его потомков до седьмого колена. Причем как сухим пайком, так и мокрым: прямо сейчас на утопанном земляном полу имелась обширная едко пахнущая лужа.

Мои собственные любимые родственники умудрились обрушить полку с солеными огурцами и маринованными помидорами.

- Я есть хотел, - шмыгнул носом Сенька, и я вытаращилась на него в неподдельном изумлении.

Какой российский человек может испытывать чувство голода утром первого января?! Еды на праздничном столе имелось столько, что хватило бы на роту солдат, а нас-то и было всего пятеро. Причем Сашка, убежденная сторонница ЗОЖ, не объедалась и вообще уехала сразу после полуночи, а мы, оставшись вчетвером, даже до праздничного торта не добрались...

А! Торт!

Теперь я все поняла.

Проснувшись утром, Сенька - он у нас парень самостоятельный - решил роскошно позавтракать тортом, а я-то ведь его убрала со стола. В битком набитый холодильник торт не влез, я отнесла его в кладовку и...

Пошарив взглядом по полкам, я быстро нашла знакомую коробку.

Какое счастье, торт не пострадал! А огурцов с помидорами у нас еще очень много.

- Что ж ты свет-то не включил? - попеняла я юному расхитителю гробниц, то есть кладовок.

- Не хотел никого разбудить.

- Да ладно?

Натка захихикала, но тут же скривилась:

- Ой, рука...

– Что с рукой? – Оставаясь на пороге, над лужей, я вытянула шею, как гусь, и встревоженно зашипела: – Натка, ты поранилась?!

– Немного порезалась. – Сестра повернула руку, и я увидела, что пальцы у нее в крови.

– У мамы – рука, а у меня нога. – Сенька взбрыкнул коленкой и хныкнул.

– А головы ни у кого из вас нет, – не удержалась я. – Сидите, не двигайтесь, я сейчас обуюсь и буду вас спасать!

Я сбегала в прихожую, нашла там бабкины резиновые галоши, вернулась в кладовку и в обход опасных зазубренных стекляшек поочередно вывела из нее сестру и племянника.

Сенька морщился и скакал на одной ножке, а Натка шла нормально, только нервировала меня тем, что с выражением безропотного страдания на лице постоянно шевелила пальцами раненой руки, как бы проверяя, не отказались ли они еще ей подчиняться.

Выглядело это жутковато – окровавленная рука, пытливо щупающая в воздухе что-то невидимое... Для голливудского фильма ужасов подходящая сценка.

Перебазировав пострадальцев на кухню, я щедро залила Наткину руку перекисью. Потом аккуратно замотала ее одной льняной салфеткой, а вторую такую же привязала сестре на шею, соорудив подобие подвесной люльки для поврежденной конечности. Сеньке к травмированной ноге я приложила лед, но было ясно, что этого недостаточно: лапка у пацана опухала на глазах. Пришлось вызывать такси и ехать в поселковую больничку.

Там было на удивление многолюдно: кроме нас, помощи дожидались участники масштабной праздничной драки, пара олухов, накосячивших с запуском фейерверка, и бабулька с приступом желчекаменной болезни. Последняя выделялась в толпе раненых, как белая ворона.

Никита всю эту безрадостную суету преспокойно проспал, но сразу после пробуждения получил неприятный сюрприз в виде известия о нашем досрочном

отъезде.

Вообще-то планировалось, что мы все, за исключением Сашки, которая сразу после полночных курантов на электричке укатила на горнолыжный курорт к друзьям, останемся в поселке у моря на зимние каникулы. Говоров специально к этому времени приурочил еще что-то из своих бесконечных ремонтных работ. Но, поскольку выяснилось, что у Сеньки перелом, а у Натки глубокие порезы, решено было срочно вывезти раненых на большую землю – домой, в Москву. На малой родине Говорова им, ущербным, было бы некомфортно, потому что теплый санузел Никита хотя и соорудил уже, но пока только во временной версии – не в доме, а отдельном строении, которое со временем должно было разрастись до благоустроенного гостевого домика. От порога до него было метров тридцать, но, увы, по сильно пересеченной местности. Затеянный Говоровым ремонт впечатлял масштабами, в первую очередь земляных работ. Ясно было, что Сеньке с его ногой по зимнему времени регулярно преодолевать полосу препятствий на пути в клозет будет трудно.

В общем, на семейном совете в Филях было решено, что Натка с сыном возвращаются в столицу, и я лечу с ними, потому что кто-то же должен за этими бедолагами ухаживать. Натка с поврежденной рукой ни поесть приготовить не сможет, ни уборку сделать...

Никита, запланировавший себе кучу дел по ремонтно-строительной части, прямо сейчас вернуться вместе с нами не мог, и очень по этому поводу злился.

Во всяком случае, выглядел он чрезвычайно недовольным, отчего Натка с Сенькой виновато притихли, а я даже испытала нечто вроде законной женской гордости.

Вот какой у меня мужчина, хочет проводить свое время со мной, а не в гараже или на рыбалке, как некоторые!

Модель поведения, при которой представители сильного пола максимально дистанцировались от супругов и детей, я успела увидеть на примере соседей по поселку. Здешние мужики не затруднялись найти повод слинять от семейного очага.

В общем, мы снова собрали чемоданы, которые толком не успели распаковать, и улетели в Москву.

Хворые родичи поселились у меня, заняв временно свободную комнату Сашки, и пару дней я честно изображала из себя сестру милосердия, а потом случилось страшное.

Я уличила своего идеального мужчину в измене.

Не зря говорят, что благими намерениями вымощена дорога в ад.

Зачем я поехала поливать эти несчастные кактусы? Стояли они без полива неделю и еще столько же с легкостью выдержали бы до приезда хозяина. Это же кактусы! Им вообще вода почти не нужна!

Зато мне было очень нужно ощутить свою причастность к жизни любимого. Не очень-то меня заботила судьба кактусов, если честно, я просто соскучилась по Говорову, по своей роли любимой женщины и без пяти минут супруги, хозяйшки и хранительницы семейного очага. Позабывшись о кактусах, я бы еще рубашки, например, перегладила, пыль стерла...

Ключи от своей квартиры Никита мне дал еще осенью. Я даже не просила, правда! Он сам настоял, чтобы я их взяла.

О чем я думала, по-хозяйски втыкая ключ в замок?

Я предвкушала, как вдохну знакомый запах любимого, может быть, даже переоденусь в его домашнюю рубашку – фланелевую, клетчатую, на мне превращающуюся в короткий халатик...

Дура.

Дверной замок неожиданно оказал мне сопротивление. Я отвлеклась от мыслей об уютной, теплой, еще пахнущей Говоровым рубашке, осмыслила происходящее и предположила, что изнутри в замок уже вставлен ключ.

Это могло означать лишь одно: Никита вернулся раньше, чем ожидалось. Глупое сердце мое забилось живее, улыбка расползлась от уха до уха, и, едва дверь открылась, я ввалилась в нее с радостным криком: «Сюрприз-и-из!»

Сюрприз получился что надо.

Дверь мне открыл не Говоров, а незнакомая дамочка небольшого роста и не столь уж великих лет. Не больше тридцати, пожалуй, судя по свежему личику, хорошенькому даже без косметики. Одета дамочка была в банный халат, на голове у нее красовался изящный тюрбан из полотенца – нежно-розового, с вышитыми по всему полю прелестными цветочками.

«Такая... в жутких розочках», – вспомнилась мне вдруг реплика сплетницы из фильма «Служебный роман».

Почему-то именно эти розочки произвели на меня особенно сильное впечатление.

Я точно знала, у Говорова не имелось никаких банных принадлежностей розового цвета, тем более с вышивкой. То есть эта мымра к нему уже со своими вещами явилась!

Сердце мое упало и взгляд тоже, обреченно прокатившись по мымре сверху донизу. На нижней оконечности мымры имелись еще домашние тапочки. Желтенькие, пушистые. Мои собственные. Я ведь тоже уже начала было перебираться к Никите с вещами...

– Здравствуйте, а вам кого? – как ни в чем не бывало поинтересовалась мымра в моих тапочках и своих цветочках.

«Гэ» у нее было мягкое, фрикативное.

«С юга с собой привез», – мелькнуло у меня в голове.

Я открыла и закрыла рот.

В следующий момент в небольшой прихожей стало тесно, потому что дверь ванной комнаты распахнулась, выпуская хозяина квартиры.

Началась сцена «Те же и Говоров». И без того габаритный, высокий и плечистый, в пушистом махровом купальном халате Никита сделался еще более объемным и притом энергично работал локтями – вытирал голову полотенцем, так что места на сцене совсем не осталось.

Я сделала шаг назад.

– Милая, где...

И тут Никита увидел меня.

Вообще-то это было смешно.

Говоров замер в нелепой позе – с руками на голове. Обрамленное влажным темно-синим полотенцем лицо его отчетливо побледнело и вытянулось.

Взгляд стрельнул на мымру, потом на меня.

– Лена, – беспомощно промямлил этот подлый предатель, – это не то, что ты думаешь...

Боже, как пошло! Как банально и глупо! Текст этой пьесы явно писал не Шекспир.

– Вот только не надо оправдываться, – с усилием проглотив не то всхлип, не то нервный смешок, попросила я и еще попятилась.

– Лена, стой!

Ну уж нет!

Сразу за порогом я резко развернулась и во всю прыть припустила вниз по лестнице.

- Елена!

Гудели перила, задетые сумкой на моем боку, грохотали умноженные эхом шаги, и голос свыше ревел сердито:

- Стой, я сказал!

Ага, сейчас.

Я вынеслась из подъезда, едва не сбив какую-то бабку с маленькой жирной собачкой.

- Тьфу, психическая! - обругала она меня, своевременным рывком уведя от столкновения мопса на поводке.

Песик усвистел в сугроб, металлическая дверь грохнула, я добежала до своей машины и даже двигатель прогреть не стала - рванула с места, как стритрейсер.

Пока доехала до дома, шесть раз звонил телефон. Первые три раза - часто, с интервалом в минуту, не больше. Потом через пять минут. Через десять. Через пятнадцать...

Уже в своем дворе, припарковавшись и заглушив мотор, я взяла мобильный и, игнорируя насыпавшиеся эсэмэски, заблокировала контакт «Никита Говоров» и удалила всю историю сообщений.

По лестнице поднималась, как старушка. Ноги отяжелели и еле шли.

Это потому что разбитое сердце упало в пятки, что ли?

- А что... - Натка при виде меня переменялась в лице и просыпала сахар мимо чашки.

С ней еще происходили такие мелкие катастрофы - руку-то она поранила правую, рабочую, - но случались они все реже. Сестра на удивление ответственно подошла к необходимости восстановиться как можно скорее и не

ленилась разрабатывать руку.

Взрослеет, однако.

Еще недавно, пользуясь случаем, сидела бы у меня на шее до упора, а теперь вот проявляет самостоятельность. Ужин сама готовит, а я думала пельмени лепить...

Эх, никому-то я не нужна...

- Лен, что случилось?

- Ничего! - рявкнула я в ответ и с третьей попытки сумела пристроить на вешалку свою сумку.

Руки дрожали, ремень и крючок расплывались перед глазами, упорно не желая совмещаться. Попутно я еще обрушила на пол Наткину шубку, но сестрица, против обыкновения, не ринулась ее поднимать, квохча, как курица над обиженным цыпленком.

- Ни слова! Ни звука! Предупреждаю: никогда больше не заговаривай со мной о Говорове. Вообще не произноси его имя! Считай, что он умер!

- Скоропостижно-то как, - пробормотала Натка, но от дальнейших комментариев осмотрительно воздержалась. - Чай будешь? С пирожными, я напекла эклеров.

- Я буду! - донеслось из Сашкиной комнаты и по полу глухо застучал гипс. - Теть Лен, а кто умер?

Чуткий слух у пацана. Музыкальный.

- Один нехороший человек, - ответила я, проходя в кухню.

- Нехороший? - с сомнением повторила Натка.

– Очень нехороший. Хуже некуда. Полная дрянь. – Я взяла чай, который сестра приготовила для себя, и выпила сразу весь. – Налей мне еще, а?

– Чаю?

– Чаю. – Душа просила чего покрепче, но мне не хотелось плакаться Натке в жилетку, а без задушевного разговора со слезами и соплями распитие чего-нибудь спиртного не обошлось бы.

– Эклер?

– Два. Или три.

Сенька взглянул на меня с беспокойством и потянулся к блюду с пирожными сразу двумя руками. До сих пор наш сладкоежка не видел во мне серьезного конкурента, но все меняется...

В молчании мы выпили чай и истребили все пирожные, тягая их с блюда наперегонки.

Эклеры Натке удалось, она вообще прекрасно готовит, но я давилась пирожными не только для того, чтобы подсластить свою горькую участь. Меня распирало невысказанное, и я набивала рот, чтобы не начать говорить о Говорове, об этом подлеце, который уверял, что любит меня, а сам...

Не дожидаясь эклер, я вскочила и ушла к себе.

– А точно умер кто-то плохой? – услышала я, закрывая дверь. – Что-то тетя Лен расстроена...

Сенька, явно удивленный моим поведением, пытался разобраться в ситуации. Я не услышала, что ему ответила Натка.

Ты спрашиваешь, кто умер, малыш? О! Их немало – скорострительно скончавшихся в муках. Моя любовь, мои надежды, моя вера в победу на личном фронте, моя высокая самооценка... Та мырма в жутких розочках моложе меня лет на десять. И весит не больше пятидесяти кило...

А Говоров... Вот как он мог? Ведь знал же, что у меня в анамнезе уже целых два любимых мужчины, оказавшихся подлыми предателями. Сашкин папочка, пусть он будет жив и здоров в своих дальних странах, бросил меня беременной и никогда не интересовался нашей с дочкой дальнейшей судьбой. А потом был еще один идеальный мужчина, который беспощадно заморочил мне голову лишь для того, чтобы я со своими связями помогла ему в некрасивой ситуации с перспективой судебного процесса.

Нет, я не легкомысленная дурочка, во всяком случае, никогда не считала себя таковой – а мне было с кем себя сравнивать, перед глазами всю жизнь любимая младшая сестра, которая постоянно заводит знойные романы, и каждый второй из них оказывается проблемным. Но ум и сердце – они не всегда заодно.

Мне трудно доверять мужчинам. А Говорову я доверилась, и теперь мне было и больно, и стыдно, причем не только за себя. За Никиту, лишившегося моего уважения, тоже. Он низко пал в моих глазах, и видеть его таким – павшим – я не хотела.

Нет, встречи, объяснения, прощальные разговоры по душам и коллективные или индивидуальные размышления на тему «отчего все вышло именно так, кто в этом виноват и что делать» нам совершенно не нужны.

А эта фифа...

У нее свежее личико и легкая фигурка, которую не портит даже мешковатый халат. И ножки стройные, маленькие, мои тапочки ей явно великоваты, у нее максимум тридцать шестой размер. Не ходовой...

Интересно, ей Говоров тоже туфельки покупал?

Ну вот зачем я об этом думаю?

Да пропади они оба пропадом!

Я бухнулась на кровать, уткнулась в подушку и рыдала, пока не заснула.

Три дня спустя вернулась Сашка. О трагедии в моей личной жизни дочь не знала: я не считала нужным делиться шокирующими подробностями с юной девушкой, а сама она меня и не спрашивала.

Конечно, что интересного, с точки зрения активного подростка, может происходить в жизни женщины преклонного возраста – сорок плюс?

Сашку в ее пятнадцать полностью занимали собственные переживания, а также реальные или мнимые восторги и страдания сверстников. Матери она уделяла все меньше внимания, и я этим, конечно, огорчалась, но не думала, что имею право роптать. Сама ведь была такой же.

Спасибо еще, дочь хотя бы не ленилась информировать меня о том, что с ней происходит, исправно присылая мне фоточки и видосики. Хотя в ее Инстаграме их было на порядок больше...

Ну, мать – нецелевая аудитория модного блогера.

– Привет, я дома! – едва войдя, громко крикнула дочь, и первым навстречу ей прискакал Сенька.

Гипс на ноге почему-то не сильно сказывался на его скорости передвижения. Думаю, шустрого мальчишку не затормозило бы и чугунное ядро на цепи.

– О, Сандро, супер! Какой интересный загар! – весело восхитилась Натка.

Я вышла в коридор последней.

Сашка, и впрямь занятно загоревшая лицом – у глаз остались светлые пятна от горнолыжных очков или маски, – уже сбросила куртку и производила раздачу привезенных сувениров. По мне она скользнула безразличным взглядом и вежливо обронила «Здрате», явно не узнав родную мать в унылой клуше с припухшими глазами и помятым лицом.

– Привет, Сашуля, – сказала я, непроизвольно всхлипнув.

Глаза у дочери сделались большие, рот приоткрылся.

– Не пугайся, это только выглядит очень страшно. – Натка ободряюще похлопала Сашку по плечу и подтолкнула ее ко мне. – Поздоровайся с мамочкой.

– Мам?!

– Ох, Саня...

Мы обнялись. Я замерла, надеясь на утешение.

Да, как же, размечталась!

Сашкины руки прошлись по моим бокам, после чего дочь отстранилась и, глядя на меня, несчастную, с негодованием и отвращением, безжалостно припечатала:

– Плюс пять кило, не меньше!

– Давай, добей меня, – насупилась я.

– Она здорова? – Сашка оглянулась на Натку, та подкатила глаза и красиво, но непонятно передернула плечами, как в зачине «Цыганочки». Мол, кто ж его знает...

– Мать, ты с ума сошла? В твоём возрасте такой стремительный набор веса – это прямой путь на свалку истории. Я все понимаю, сама за бодипозитив, но тебе же за сороковник уже, антиэйдж – твоё все. Да тебя такую Говоров бросит!

Я взвыла, повернулась кругом и заперлась в своей берлоге.

Отлично поговорили, прекрасно утешили.

– Что? Seriously? Правда бросил? – недоверчиво спросила в коридоре Сашка.

Натка что-то невнятно забормотала, старательно понизив голос, чтобы я ее не услышала. Шепчась, они ушли на кухню, и только Сенька продолжал носиться по коридору, сам с собой играя в хоккей подаренной ему сувенирной шайбой. Гипсовая нога с успехом заменяла клюшку.

Я немного поерзала ухом по двери – все же было интересно, о чем они там говорят, – но услышала только малоинформативные обрывки.

– Ты что, не знаешь свою мать? – сказала Натка. – Она ж судья!

– А он прокурор, – напомнила Сашка. – А адвокаты им, значит, без надобности...

Потом запыхтел чайник, зазвенела посуда, и я услышала еще:

– Не лезь, мне этот ее настрой прекрасно знаком. Моя дорогая сестричка включила протокол «Упрямый баран», теперь ее танком не сдвинешь.

– Но как же...

– Никак! Должна сама...

И снова бу-бу-бу и шу-шу-шу. Интриганки.

Определенно чувствуя, что весь мир против меня, я опять завалилась в кровать. Но Сашкины слова про последний путь на свалку истории меня задели, и я поймала себя на том, что, сердито сопя, усердно втягиваю живот. А он, зараза, не сильно втягивается. И бока отвисают...

Потом Натка и Сенька покинули нас, отправившись к себе на такси. Сестре предстояло выйти на работу, а племянник хотя и должен был еще посидеть дома, но собирался начать заниматься с преподавателями. Натка договорилась, что учительница будет приходить к ним домой.

Я вышла проводить любимых родственников, и мы попрощались как ни в чем не бывало. Мой внешний вид, поведение и настроение не обсуждались и вообще не упоминались. Какие у нас все тактичные, любо-дорого посмотреть!

Или равнодушные. Безразличные. Черствые, как... я не знаю... как засохший эклер!

Потом, впрочем, ко мне явилась Сашка.

– Ма, не съездишь со мной в салон? – брезгливо ухватив свой локон и с откровенным отвращением рассматривая секущиеся кончики, спросила дочь. – Я с гор спустилась – чисто снежный человек. Лохматая, без маникюра... Ну, и тебе же завтра на работу...

Я оценила эту деликатную попытку привести в божий вид безобразную мать снежного человека и с благодарностью приняла предложение.

Мы с Сашкой съездили в салон и упорядочили головы и ногти, а на обратном пути поужинали в модном ресторанчике какой-то здоровой едой – заказывала дочка, иначе я бы не ограничилась салатом из водорослей с незначительными вкраплениями фрагментов морепродуктов и неведомых мне семян. Салат назывался теплым, но совсем остыл, пока Сашка его фотографировала.

Приступать к еде, не сделав ее фото или видео, у модных блогеров не принято, это даже более обязательная часть застольной программы, чем предварительное мытье рук.

– Здоровый образ жизни, мам, – вещала моя блогерша, жестикулируя палочками для еды, – это не про пожрать, а про философию! Гармония с мирозданием, осознанность, все такое... не говори, что тебе плевать, ты же умная женщина.

Последние события сформировали у меня совершенно противоположное мнение о самой себе, но я безропотно ковыряла траву в своей тарелке и согласно кивала.

Гармония с мирозданием – вещь прекрасная, кто бы спорил.

Если ее можно найти в миске с водорослями – я только за.

Глава 2. Про вечную молодость – к сожалению, не мою

Что можно сказать об утре первого рабочего дня после долгих выходных?

В двух словах: оно не прекрасное.

Мне удалось не проспать, что само по себе могло считаться небольшим гражданским подвигом, но я не успела опередить Сашку, и она заняла ванную на долгих полчаса.

В процессе довольно нервной дискуссии через дверь я узнала, что лучший помощник в ведении здорового образа жизни – закаливание организма, но приступать к нему нужно не вдруг. Дело это непростое и ответственное, а потому требующее спокойствия и терпения, причем от всех, включая тех, кому срочно нужно в душ, чтобы не опоздать на работу. Что там ваш суд, подумаешь, вот наше закаливание – это серьезно!

Прежде всего рекомендуется в течение нескольких дней растирать тело сухим полотенцем, потом следует перейти к влажным обтираниям, день за днем понижая температуру воды.

Эти стадии Сашка, на мое счастье, уже прошла и теперь могла перейти к обливаниям, но должна была строго контролировать температуру воды.

Сегодня она планировалась аккуратно на уровне 12 градусов выше нуля и ни долей Цельсия выше или ниже. Собственно, попытки добиться идеальной температуры воды в ведре при условии обязательной фиксации полученного значения термометром и затянули пребывание юной зожницы в ванной комнате.

Наконец радостный визг и шумный плеск возвестили о благополучном завершении сложной спецоперации «Обливание».

Мы произвели рокировку, и я заняла ванную, а Сашка пошла готовить себе полезный здоровый завтрак из продуктов, которые она предусмотрительно привезла с собой с гор.

Мне хватило ума не подвергать сомнению великую пользу и сам факт существования в природе эдельвейсового меда. За красивую баночку с высокохудожественной этикеткой с моей доверчивой девицы наверняка слупили круглую сумму, но мед он и есть мед, в любом случае продукт хороший. К меду из эдельвейсов у Сашки был сыр из молока белых девственных коз, и я опять же усомнилась, что молоко и непорочность у дойных животных совместимы, но

тоже смолчала.

Сыр как сыр, я попробовала кусочек. Пальчики не оближешь, но есть можно. Похоже на спрессованный несоленый творог.

У меня на завтрак был только кофе, да и тот убежал, пока я была в ванной.

Немного задержалась, рассматривая свое отражение в зеркале. Оно и так-то все реже походило на парадный портрет дворцовой красавицы, а за последнюю неделю еще заметно выцвело и потускнело. Щеки стали круглее и при этом обвисли, носогубки обозначились четко, как прочерченные карандашом, между бровей было две морщинки, а стало три...

И это я еще старательно удерживала взгляд на лице, придирчиво рассматривать фигуру мне совсем не хотелось. Боюсь, после ревизии складочек на животе и боках мне и кофе в горло не полез бы...

Увидев, что я лишилась своего утреннего напитка, добрая дочь предложила поделиться со мной свежавыжатым морковным соком, но я вежливо отказалась, соврав, что не могу позволить себе уменьшить ее порцию.

Мол, молодой растущий организм должен получать все необходимое в полном объеме.

- Например, деньги! - тут же поймала меня на слове хитрюга Сашка. - Ты же дашь мне денег, мам? Те, что мне подарил Никита, уже закончились, а я... Да что такое?

Должно быть, я переменялась в лице. Упоминание имени Говорова больно царапнуло. Тем более что Сашка напомнила о ситуации, в которой Никита повел себе как глава семьи. Мой будущий муж...

Кстати, как мне теперь называть его - «мой бывший будущий»?

На Новый год Говоров вручил Сашке конвертик с шуршащими в нем купюрами, хотя я ему говорила, что это непедагогично.

– Непедагогично позволять юной девушке испытывать комплекс неполноценности из-за того, что у нее в карманах пусто, когда рядом тусит золотая молодежь, – отмахнулся от меня Никита. – Не зуди, Лена, Сашка не дурочка, ее лишним рублем не испортишь.

– Нельзя про Говорова говорить? – Сама догадалась дочь, и лицо ее жалостливо скривилось. – Мам, ну ты что...

– Все, – я решительно закончила неприятный разговор. – Мне пора, я уже опаздываю.

– А кто-то говорил мне, что замалчивать проблемы – плохая тактика! – Сашка включила соковыжималку и повысила голос, чтобы я слышала ее и в прихожей. – Мол, только страусы прячут голову в песок, а разумные люди всегда советуются с близкими!

– Страус ушел на работу! – крикнула я в ответ и поскорее удалилась, пока умная дочь не победила меня в споре, цитируя мои же собственные слова.

Прав Никита, Сашка не дурочка...

Это он дурак. Променял меня на какую-то мымру в цветочках...

А каких умненьких деток мы с ним могли бы родить...

– Так, стоп!

Это я сказала самой себе, но уже стоя во дворе у своей машины, и она, похоже, восприняла мои слова как руководство к действию: просто не завелась!

Опаздывать на работу в первый же день после каникул мне ужасно не хотелось. Это было бы расценено как порицаемые и наказуемые наглость и безответственность, а я ведь не такая...

Наш председатель суда Плевакин – хороший человек и толковый руководитель, но трудовую дисциплину он чтит так же свято, как Уголовный кодекс.

Ко мне Анатолий Эммануилович относится на диво сердечно, по-отечески, я бы сказала, но это не значит, что он станет меня покрывать, если меня угораздит проштрафиться. Боюсь, наоборот, показательно покарает. Из воспитательных соображений и чтобы заткнуть рты тем, кто смеет говорить, что у нашего начальства есть любимчики...

– Вот уволят меня, не будет денег на бензин и сервис, и ты тоже загнешься! – пригрозила я своей древней «хонде».

Увы, как многие старушки, она не всегда здраво оценивает угрозы и риски современной суровой реальности, но при этом неизменно капризна и упряма. Короче, убедить машинку завести мне не удалось.

Но ехать на работу на общественном транспорте было бы неправильным решением: это не спасло бы меня от опоздания. Оставалось одно...

Потом-то я сообразила, что вариантов у меня было как минимум два: поймать попутку или вызвать такси. И современный человек, конечно, просто вызвал бы машину, воспользовавшись соответствующей программой в смартфоне. И ведь у меня такая возможность тоже была! Сашка давно уже установила мне приложения сразу двух популярных служб такси, просто я не пользовалась ими, потому что особой необходимости не возникало.

Увы, в критической ситуации у меня сработал рефлекс, выработанный еще в далекие досмартфонные времена. Я тоже повела себя как замшелая бабка без всякого интернет-образования: яростно плюнула под колесо зловредной «хонды» и рысью вынеслась со двора на дорогу, чтобы поймать там машину.

Подпрыгивать на обочине, активно семафоря руками проезжающему транспорту, по нынешним временам, поведение дикое. С другой стороны, я определенно выделялась на местности. Пальто мое распахнулось, шарф размотался и свесился до колена дразнящим красным языком, шапка съехала набок...

Водители меня замечали и реагировали по-разному: кто-то бодро гудел клаксоном, организуя моему нервному приплясу музыкальное сопровождение, а кто-то слегка притормаживал, чтобы получше меня рассмотреть.

В самом деле, почему бы не добавить себе немного позитива в начале трудного дня, поглазев на такое диво – немолодую тетеньку, скачущую на обочине дороги, как юный шимпанзе?

А вот останавливаться что-то никто не спешил. Какой-то гад на заниженной «приоре» коварно вильнул, вселив в меня надежду, но только заехал колесом в лужу талого снега, и лишь чудо и своевременно прокачанная прыгучесть спасли меня от холодного и грязного душа.

А потом, когда я уже решила было, что все, опоздания мне не избежать, из потока автомобилей вынырнуло дивное видение – роскошный спортивный «Ауди ТТ».

Сверкнул, на мгновение ослепив меня, зеркальный серебристый бок, и, когда я снова прозрела, увидела гостеприимно приоткрытую дверь.

– Господи, спасибо тебе, – пробормотала я, обращаясь, конечно же, не к водителю, и без промедления полезла в салон.

Машина тронулась с места сразу, я даже дверь еще не успела закрыть.

С некоторым запозданием (но лучше позже, чем никогда) у меня возникло смутное опасение – а с кем это я еду, что за тип этот водитель, оригинально сочетающий сердобольность и лихость?

Самооценка, еще на прошлой неделе упавшая ниже уровня сточных вод, не позволяла мне и думать, что владельца шикарного дорогого авто пленила моя неземная красота.

Но кто же он, благородный рыцарь, так своевременно пришедший на помощь нечастной даме в трудной ситуации?

Щелкнув замком ремня – поехали мы быстро, – я из-под прикрытия выбившейся из прически пряди покосилась на человека за рулем.

Ну надо же! Это был никакой не рыцарь!

– Тебе куда? – залихватски подмигнув, спросила действительно прекрасная дама.

– В Таганский суд, если можно, – ответила я, робея.

Во-первых, просьба моя отчетливо отдавала наглостью. Сказала бы – до метро, вот это было бы скромно и с достоинством... А во-вторых, кому я, расхристанная пыхтящая растрепанная, предложила поработать моим личным водителем? На диво элегантной леди, которая хоть сейчас могла бы закатиться в Букингемский дворец на чай с английской королевой. И королева, да не обидится на меня Ее Величество, смотрелась бы рядом с гостьей довольно бледно.

За рулем «ауди» восседала брюнетка лет тридцати пяти... или пятидесяти, я не смогла определить ее возраст ни с первого взгляда, ни со второго.

Лицо у нее было гладкое, и подбородок на нем присутствовал строго в единственном числе, без всяких довесков. Высокие твердые скулы, четко очерченные брови не из тату-салона, идеальный ровный нос... В меру пухлые губы и высокая крепкая грудь под дорогой водолазкой из темно-серой шерсти выглядели роскошно, но при этом не наводили на кощунственную мысль о стратегических запасах силикона в организме. Руки на руле... Да, вот руки, хотя и прекрасно ухоженные, позволяли догадаться, что даме давно уже не двадцать, но одинокое кольцо с приличного размера бриллиантом моментально отвлекало внимание от этого обстоятельства. А еще у дамы была превосходная стрижка, ее голова на стройной шее напоминала блестящий черный тюльпан.

– Ты не узнала меня, что ли? – хмыкнула красавица, покосившись на меня откровенно насмешливо.

Глаза у нее были сине-фиолетовые, в длинных блестящих ресницах. Я могла бы поклясться, что вижу такую красоту в первый раз.

– Ну, Кузнецова, ты даешь. – Брюнетка помотала головой, и ее шелковистые волосы красиво рассыпались и снова сами собой собрались в идеальную прическу. Я не удержалась от завистливого вздоха. – Где твоя хваленая профессиональная наблюдательность? Ты же у нас отличницей была.

– Мы однокашницы? – Я удивилась, потому что такой шикарной красотки на нашем курсе не помнила. Хотя она же, наверное, прилично моложе меня...

– Мы одноклассницы, Кузнецова! Я Полина Васильева, помнишь такую?

– Такую? Нет, – ошарашенно призналась я.

Моя одноклассница Полина Васильева была невзрачной прыщавой девицей с избыточным весом, жиденьким хвостиком и плохими зубами. Училась она вроде неплохо, но держалась особняком, друзей-подруг в институте у нее не имелось. В молодости всех нас привлекает общество красивых, успешных, общительных ровесников...

Робкая толстуха, чье имя еще на первом курсе безжалостно переделали в обидное прозвище Полнина, походила на мою нынешнюю собеседницу примерно так же, как одышливый жирный мопс на изящную персидскую борзую. С дополнительной поправкой на то, что мопс обитал на помойке, а борзую лелеяли в элитном питомнике.

– Посмотри там. – Красавица кивнула на автомобильный бардачок и, поскольку я на сказанное не отреагировала, сама потянулась и открыла его. – Сверху погляди.

В бардачке были аккуратно сложены какие-то тонкие книжки, брошюры, буклеты, листовки. Высокую разноцветную стопку венчала красная кожаная папка.

Я взяла ее и раскрыла – это был самый обычный школьный фотоальбом. На обложке – золотые тисненые буквы, внутри всего две фотографии. Справа – традиционный коллаж из овальных снимков всех выпускников и их педагогов, слева – большой портрет той самой Полины Васильевой, которую я помнила. Полнины. Нелепой некрасивой девушки с пышным бантом на жидких волосах, прыщавыми бульдожьими щеками и нависающим над кружевным воротником-стойкой тройным подбородком.

– Специально с собой вожу, чтобы показывать сомневающимся, – сказала мне совсем другая Полина и приосанилась, видя, что я ошарашенно перевожу взгляд с давнего фото на нынешний оригинал. – Впечатляет, да?

– Не то слово, – пробормотала я. – Не видела бы – не поверила... Но как? Полина, это же какое-то невероятное чудо!

– Чудо, – легко согласилась она, – но вовсе не невероятное. Одна судьбоносная встреча, правильно выбранный путь, грамотно потраченные деньги... Ну, и много работы над собой, конечно, без этого, уж извини, никак.

В свою очередь, старая знакомая окинула меня взглядом, в котором вовсе не было восхищения, и я без дополнительных объяснений поняла, что это ее «уж извини» – упрек лично мне, от природы обладавшей определенной красотой и не давшей себе труд ее преумножить или хотя бы сохранить.

– Ну, знаешь, у меня очень много работы... не над собой, конечно... а вообще...

– Можешь не объяснять, – великодушно разрешила Полина Прекрасная. – Все понимаю: зашилась, забила на все, кроме хлеба насущного... Но хлеб-то есть? Ты где работаешь, в суде? Значит, не бедствуешь.

Я не стала объяснять, что судья – это больше про статус, чем про состоятельность. Многие люди искренне убеждены, что судьи только и делают, что набивают себе карманы, и спорить с ними бессмысленно: некоторые мои непорядочные коллеги компрометируют нас всех. Но я не беру подношений, а судейская зарплата невелика, нам с дочкой кое-как хватает, однако излишеств я не потяну...

Тут я поймала себя на том, что все-таки оправдываюсь, только не вслух, а про себя. Сказать по правде, своим примером Полина меня пристыдила.

А бывшая одноклассница продолжала вещать:

– ...да и какой в них смысл, если самая главная ценность приходит в упадок?

Я поняла, что это она уже не только про деньги говорит, и прислушалась.

– Личность каждого из нас неповторима и прекрасна, но окружающим, как правило, не видна, – разливалась Полина, и чувствовалось, что ее красноречие и вдохновение отшлифованы так же добросовестно, как безупречная внешность. –

К примеру, глядя на меня, люди видели только унылую толстуху, и в этом не было их вины. Я сама была виновата в том, что моя внешность разительно не соответствовала моему внутреннему миру. Но стоило привести их в гармонию...

И еще добрых полчаса Полина Прекрасная воодушевленно вещала мне про гармонию, которой в силах добиться каждая женщина, включая даже меня, тем более что наша случайная встреча как раз и может оказаться судьбоносной.

Полина рассказывала мне, как она обрела себя и как это делают сейчас другие. Конкретики в ее словах было мало, сплошь общие фразы, но речь текла гладко, как будто сто раз отрепетированная, и я уважительно подумала, что навыки риторики бывшая одноклассница тоже знатно развила, в студенческие годы она была замкнута, молчалива и не блистала ораторским мастерством. При этом держалась новая Полина и без высокомерия, и без обидного сочувствия. Она как бы констатировала очевидный факт: мы все несовершенны, но при желании вполне можем стать лучше.

Очевидно, желание стать лучше легко читалось в моих глазах, потому что Полина сразу же выдала мне краткое руководство к действию. Она показала мне страницу в Инстаграме и пригласила в группу таких же, как она, счастливых женщин, смело идущих путем внутреннего и внешнего преображения.

Напоследок, уже у здания суда, куда спортивный автомобиль домчал меня непривычно быстро, мы обменялись контактами, и я пообещала, что не оставлю этот разговор без внимания.

Мне действительно было о чем подумать, наглядное превращение супергадкого утенка Полнины в прекраснейшего лебедя произвело на меня сильное впечатление.

– Добрый день и с прошедшими! – приветствовал меня мой помощник Дима. – Как праздники?

Его об этом можно было не спрашивать: Дима выглядел как всегда. То есть как молодой английский лорд, так что сразу было ясно – важнейшим из праздников для него является работа.

– Бурно, – коротко охарактеризовала я собственные праздники и, сбросив пальто на руки галантному джентльмену, прошла в свой кабинет. – Есть что-то архиважное?

– Ничего особенного, все в штатном режиме, – успокоил меня помощник. – Но я схожу в приемную и разведу, что и как.

– Благословляю тебя. – Я отпустила Диму, и он тут же исчез, прихватив с собой какой-то аккуратный пакетик с бантиком.

Хм, понес кому-то подарочек? Интересно.

Дверь за Димой закрылась и тут же снова открылась, пропуская к нам в предбанник Машку.

– Ты в курсе, что у шефа новая секретарша? – спросила она меня, остановившись на пороге и глядя в коридор – явно провожала взглядом удаляющегося лорда Диму.

– Ах, вот оно что, – кивнула я. – Наверняка она красивая и умная, у Димы очень высокие требования.

– Может себе позволить. – Машка вошла, закрыла дверь и потянула из кармана шоколадку. – По кофейку, пока не началось?

Кофеварку мой безупречный помощник, спасибо ему, включил перед своим уходом, так что машинка уже жужжала, готовя мне большой капучино.

Мы с Машкой поделили порцию пополам и сели там же, в уголке у кофеварки, чтобы не отвлекать себя удовольствием видом кучи дел на рабочих столах. Кривые башни из сложенных стопками папок разной степени толщины дожидались внимания к себе с конца декабря, но вполне могли потерпеть еще чуть-чуть.

– Ну, как ваши с Никитой каникулы у моря? – подмигнула мне Машка. – Рассказывай!

– Да нечего рассказывать, мы сразу после праздника расстались. – Я отвела глаза, потому что врать и даже просто не договаривать что-то лучшей подруге было неприятно. – Возникли проблемы, и мы с Наткой и Сенькой сразу после праздника вернулись в Москву. Представь, пацан сломал ногу, сестра порезала руку, так что каникулы я провела в подобии лазарета.

– Ой-ой!

Шоколадки с кофе как раз хватило, чтобы обсудить проблемы со здоровьем моих неугомонных родственников. Потом Машка ушла, а я, торопясь успеть до возвращения Димы, открыла шкаф, извлекла из него свой парадный пиджак и надела его прямо на свитер, проверяя, действительно ли я сильно поправилась.

М-да. Полы едва сходились, застегнуть удалось одну среднюю пуговку, да и та протестующе трещала, обещая вот-вот оторваться.

– Это все свитер, – сказала я вслух, задвигая вешалку с огорчительно тесным пиджаком с глаз долой поглубже в шкаф. – С тонкой шелковой блузкой будет нормально.

Конечно, это был самообман. Тонкая и гладкая водолазка из джерси – это вам не мечта сибирского геолога – бабушкиной работы свитер из пушистой собачьей шерсти двойной вязки с узорчатыми косами.

Соответствующее понимание не радовало, и за рабочий стол я села в пасмурном настроении.

Зачем только капучино с шоколадкой пила, они же жутко калорийные...

День прошел в трудах, вечер я скоротала в компании с телевизором.

Мой телефон молчал, как убитый, Сашка умотала на встречу с друзьями. Прошли те времена, когда при отсутствии других развлечений я всегда могла рассчитывать на тихий семейный вечер с какой-нибудь настольной игрой или просмотром доброго кино.

Не буду врать, что мы с Сашкой очень часто проводили время именно так, обычно я по вечерам тоже занята, потому что приходится брать работу на дом, и все же общество дочки было мне обеспечено. И вот Сашка выросла, у нее своя насыщенная жизнь, а я сижу дома одна, ничем не интересная и никому не нужная. Типичная старая клуша, любительница мелодраматических ток-шоу и слюнявых сериалов, за неимением собственной личной жизни тоннами поглощающая душещипательные романы и рыдающая над судьбами разных там Марианн. Или кого теперь снимают в мыльных сериалах? Я еще не успела разобраться, слишком недавно переквалифицировалась в клушу.

Добросовестно вживаясь в новый образ, я включила ток-шоу старого знакомого – популярного телеведущего Антона Халатова.

У него, как обычно, была полная студия народу – дюжина гостей и сотня зрителей. Среди последних преобладали немолодые гражданки в праздничных нарядах по моде былых времен. В свете софитов ряды блистали стразами, бусами и лакированными начесами, горделиво топорщились обтянутые мохеровыми кофточками бюсты и крутые парикмахерские кудри. Похоже было, что основную массу зрителей на ток-шоу Антона Халатова привозят напрямик из клуба «Кому за 60», попутно сгребая с улиц праздно гуляющих студентов и домохозяек. Ходили слухи, что за участие в ток-шоу зрителям платят, так что многие из них ходят в телецентр как на работу, кочуя с одного шоу на другое. По всему чувствовалось, что люди в зале сидят хорошо подготовленные: они как-то очень правильно и дружно реагировали на происходящее. Впрочем, наверняка публикой управлял какой-нибудь режиссер.

На сцене царил Антон Халатов. Он искрометно шутил, сиял улыбкой, сверкал глазами – был ослепителен и ярок, как праздничный фейерверк. При этом бурная радость его временами выглядела совершенно людоедской, потому что телезвезде было, видимо, все равно, по какому поводу сиять, сверкать и искриться.

Сегодня, к примеру, тема шоу была совсем не веселой: ведущий и гости взахлеб обсуждали трагическую гибель какой-то девицы.

Звали ее Алина Маркизова, но значение имела не эта красивая фамилия, а другая – громкая. Алина была последним потомком известного в свое время советского писателя Гордея Бачинского – единственной дочерью его внучки. Думаю, именно поэтому ей выпала сомнительная честь посмертно стать

героиней ток-шоу Халатова. Антон с командой внимательнейшим образом отслеживают происходящее со «звездами», не без оснований полагая, что это так же интересно широким массам простых телезрителей.

В свое время, когда я вела процесс по одному громкому делу, главной героиней которого была знаменитая в прошлом киноактриса, Халатов и меня пытался затащить в свою студию, но я от этой сомнительной чести уклонилась.

Алина Маркизова уклониться не могла, поскольку от нее уже ничего не зависело. Девушка умерла нелепой и странной смертью, уснув в ванне в дешевом хостеле, где поселилась после того, как у нее за долги и выданные обязательства забрали все имущество. Барышня была одинока, вступить за нее было некому, и все, чем она располагала, ушлые кредиторы моментально оттяпали и сразу же продали. Деньги утекли за рубеж и бесследно потерялись в бескрайних просторах сетей международных банков.

История выглядела подозрительной и определенно тянула на скандальную – Антон Халатов чутко держал нос по ветру и в очередной раз не промахнулся с темой.

Родни у Алины Маркизовой не осталось, и это добавляло картине сюрреализма, потому что в обсуждении ситуации – бурном, эмоциональном, с выкриками, спорами и чуть ли не драками – принимали участие сплошь люди посторонние. Две подруги покойной – так себе, скажем, подруги, не поддерживавшие Маркизову в трудный момент и даже не заметившие наступление этого момента вовремя, – соседка по дому, бывший любовник, домработница сына Гордея Бачинского, ныне старая бабка с генеральскими замашками и командным голосом...

Среди гостей в студии также были мало кому известный писатель и никому не известный литературный критик. Эти двое отстаивали собственную версию гибели правнучки Бачинского, основанную на своеобразном анализе его творчества.

Бачинский, мол, своими стихами калечил детские души, все его сказки суть вредная стряпня, искажающая действительность в представлении маленьких читателей. Так стоит ли удивляться тому, что правнучка Бачинского, выросшая на его произведениях, оказалась девицей со странностями и уморила себя до смерти?

Подруги охотно подтвердили, что странности у Алины Маркизовой были, да еще какие. Нормальных людей она никогда не слушала, а в последнее время была совершенно невменяема и на все попытки близких людей – тех же подруг и экс-любовника – твердила: «Как гуру скажет, так и сделаю! Гуру все знает, он – мой свет и путь! Мой учитель меня ведет и защищает! Я сделаю все, что скажет мой наставник!» А кто такой этот гуру, узнать не удалось, его в студии почему-то не было, и даже имя его не звучало. Жаль.

Мне подумалось, что у следствия по делу о гибели Алины Маркизовой, если оно вообще было, к всезнающему гуру возникли бы вопросы.

Но ток-шоу – это не судебное заседание, хотя Антон Халатов и любит говорить, будто в спорах, которые ведутся в его студии, рождается истина. Ничего такого там никогда не рождается. Кроме разве что зависти к богатым и знаменитым со стороны бедных и незначительных.

У зрителей в студии были очень выразительные лица, когда соседка Маркизовой вдохновенно и горделиво описывала планировку и обстановку квартиры Алины в элитном доме в центре Москвы. Больше ста квадратов жилой площади, четырехметровые потолки, вид на Кремль, дубовый паркет, антиварная мебель, богатая библиотека, коллекция картин и курительных трубок – Алине Маркизовой жилось совсем неплохо.

Тетки в студии, через одну одетые в китайские кофты с развалов вещевого рынка, искренне недоумевали, чего еще той Алине не хватало. Обиженный экс-любовник Маркизовой подсыпал соли, с редкой дотошностью перечислив все то, чем обладала его бывшая подруга (и чем она не захотела с ним делиться, наотрез отказавшись развить необременительные отношения и вступить в законный брак): две квартиры в столице, две машины, старая прадедова дача в ближнем Подмосковье и новенькая вилла в курортном местечке Болье-Сюр-Мер на Лазурном Берегу прекрасной Франции.

В этот момент камера близко проехала по зрителям в студии – простодушные тетки и бабки, еще недавно дружно ахавшие и охавшие над судьбой несчастной сиротки, сделались поразительно похожи на злых бульдогов. Была бы та зажавшаяся Алина еще жива – разорвали бы!

Поймав себя на том, что я тоже все меньше сочувствую погибшей, я выключила телевизор. Определенно, в больших дозах то, что льется с наших голубых экранов, принимать не стоит. Я прямо почувствовала, что сама превращаюсь в бульдожистую тетку со злобным взглядом исподлобья. Специально сбегала к зеркалу, чтобы убедиться, что не слишком переменялась в лице.

Зеркало в очередной раз не порадовало, показав усталую физиономию, чей цвет и общие очертания были изрядно далеки от идеала. А идеальную женщину бальзаковского возраста я сегодня видела...

Мысленно я вернулась к утренней встрече с бывшей одногруппницей.

Почему Полина, которая в молодости была дурнушкой, теперь красавица, тогда как у меня дела обстоят с точностью до наоборот? Нет, я еще не страшила, но явно к тому иду. Как сказала Сашка, следуя прямым путем на свалку истории.

Возможно, причина в том, что я не знаю того, что известно Полине? Может, она принимает волшебные пилюли от старости, знает какое-то средство Макропулоса?

Это и я бы могла, мне только дайте таблеточку. Я даже готова за нее заплатить, понятно же, что настолько хорошее бесплатным не бывает.

В этот момент проснулась моя совесть.

«Таблеточку тебе? – с укором спросила она. – За денежку купить, проглотить и ничего больше не делать, да? Ах, какая ты умная!»

Я пристыженно вздохнула. Что уж врать самой себе, я лентяйка. Лень – она ведь всем нам матушка, а мне, Лене, считай, еще и тезка.

Шучу. Нет, обязательную программу, включающую добросовестную работу и заботы о воспитании потомства, я всегда выполняла честно, но отдыхать от праведных трудов предпочитала пассивно. В идеале – лежа в кровати с книжкой или сидя на диване у телевизора. А эти приятные занятия значительно расширяют не только кругозор, но и объем талии и бедер.

Вот почему я села с рюмочкой к телевизору вместо того, чтобы посетить онлайн-конференцию, на которую меня настойчиво приглашала Полина?

Тут я поймала себя на том, что за размышлениями с оттенком похвального самоедства как-то незаметно переместилась с дивана у телевизора на кухню, закипятила чайник, достала варенье, печенье и даже отрезала себе кусок мясного пирога, который купила по дороге домой к ужину и сразу по приходу успела уже ополовинить.

С пирогом в руке меня и застала вернувшаяся Сашка.

Мигом оценив ситуацию – я, пирог, печенье, варенье, половина десятого вечера, – дочь сурово сдвинула брови и сказала:

– Даже не думай! Какой плотный ужин в такое время?

– Ты говорила, можно три основных приема пищи и два перекуса. Вот это у меня как раз он – второй перекус. – Вспомнив те лекции о здоровом питании, которые Сашка читает мне регулярно, как «Отче наш», я попыталась вывернуться, но не преуспела.

– Перекус – это фрукты, овощи и орехи! – Дочь подошла, отняла у меня пирог, критически его осмотрела. На лице ее явственно отразилось малодушное желание тяпнуть кусочек, но она мужественно сдержалась, сглотнула слюнки и вернула неправильную еду на тарелку. – Я принесла гранолу и кокосовое молоко, но это на завтрак. Сейчас можешь съесть рукколу, это фермерский органический продукт.

Я с тоской посмотрела на растрепанный зеленый пучок, извлеченный Сашкой из холщовой сумки. Что сумка, что травка выглядели совсем неинтересно.

– А чем плохо органическое мясо? – Я все же потянулась к пирогу, но была нещадно бита рукколой по рукам.

– Как будто ты знаешь, кем то мясо было при жизни! Откуда пирог, опять из осетинской пекарни?

Тяжко вздохнув, я выдернула из пучка малость зелени, вымыла ее под краном, сунула в рот и, демонстративно жуя, ушла к себе.

Нет, волшебную таблетку явно никто еще не придумал, а жаль, очень жаль.

Глава 3. Тернистый путь к гармонии

Утро началось с эсэмэски от Полины.

«Тебя не нужно подвезти?» – написала мне она.

«Спасибо, сегодня я сама», – ответила я получасом позже, убедившись, что моя старушка «хонда» сменила гнев на милость и соизволила завестись.

«Завтра установочное занятие, ты же будешь?» – спросила еще Полина.

«Постараюсь», – уклончиво ответила я, и она прислала мне адрес.

Я не знала, хочу ли вступать на путь преображения, потому как предполагала, что он будет тернист и многотруден, а усложнять себе жизнь мне откровенно не хотелось. С другой стороны, мне надоели упреки дочери, обидное сочувствие Натки и собственное отражение в зеркале.

В нем я все чаще напарывалась на тоскливый, как у побитой собаки, взгляд и улыбку столь кислую, что ею можно было квасить капусту. Такой я не нравилась даже самой себе, что уж говорить об окружающих.

Положим, на работе, в стенах родного Таганского райсуда, такой унылый вид был более или менее уместен – сходил за серьезность, но из цветных картинок повседневной жизни моя скорбная фигура грубо выламывалась.

Я отчетливо поняла это, когда в кафе, куда я забежала на обед, вокруг меня образовалась зона отчуждения. Ближайшие ко мне столики пустовали до последнего и заполнились только тогда, когда все места подальше от меня

оказались заняты.

Осознав, что по периметру кафе приятные люди оживленно беседуют, смеются и со вкусом обедают, а я в центре сижу зловещая и мрачная, как паучиха Черная Вдова, я подумала, что так совсем не годится. Одно дело – естественная убыль женской привлекательности, ее можно списать на возраст, который никого (кроме Полины Васильевой) не красит, и совсем другое – вот такое отталкивающее впечатление на массы.

Для начала я распрямила плечи, подняла повыше нос, нацепила на лицо улыбку и сделала вид, будто с большим удовольствием вкушаю свой нехитрый обед, состоящий из котлетки с пюре и компота.

В этот момент, словно почувствовав, что я созрела для решительных действий, мне не хватает только легкого побудительного пинка в правильном направлении, позвонила Полина.

– Ты вчера пропустила онлайн-конференцию, – напомнила она. И, поскольку я как раз жевала с набитым ртом и могла ответить только невнятным мычанием, вежливо добавила: – Приятного аппетита.

– Спасибо. – Я прожевала и пояснила очевидное: – Как раз обедаю.

– Чем?

– Да ничего особенного: котлетка, пюре...

– Картошка?! – В голосе моей собеседницы послышался священный ужас, как будто я сказала, что трапезничаю бледными поганками в подливке из яда кураре. – Ты что, не знаешь, что картофель содержит токсичный соланин, который уменьшает запасы кальция в организме и жестко бьет по суставам?

– Я знаю только, что картошка содержит крахмал...

– Вот именно! Как раз поэтому картошка – лучший друг диабета!

Зараза, взяла и испортила мне аппетит. И не остановилась на этом, продолжила истерить:

- Не ешь картошку, у тебя будет высокий сахар в крови, хрупкие кости, нервозность и бессонница!

- А бессонница-то с чего? - Про нервозность я спрашивать не стала, она у меня уже возникла.

- Ты что, не в курсе? Картофель выводит из организма кальций, который является естественным транквилизатором, вот отсюда и бессонница!

Я стряхнула с вилки пюре.

Какой, однако, у Полины дар убеждения! За одну минуту непоправимо скомпрометировала в моих глазах старый добрый картофель. Пожалуй, не буду ей напоминать, что у меня тут не только пюре, а то совсем голодной останусь.

Я тихо вонзила вилку в котлету.

- Ты что делаешь? - насторожилась Полина в трубке.

Кажется, я слишком громко чавкнула: котлетка оказалась очень вкусной.

- Жую, - ответила я, живо просканировала взглядом меню и в разделе «Здоровое питание» нашла подходящий ответ: - Ем фалафель с киноа.

- А, это можно, только надо покупать у проверенного поставщика, я тебя со своим познакомлю. Пришлю ссылку, где заказывать.

- Обязательно. - Я запила котлетку сладким компотом и приготовилась соврать, что хлебаю водичку без газа, но это не понадобилось - Полина уже закрыла тему питания.

- Так ты не забудь посмотреть конференцию в записи, - напомнила она. - Там очень много интересного, и еще я тебе анкету на почту отправила, ты ее заполни поскорее, это важно для составления индивидуального плана.

– Постараюсь, – пообещала я.

Я же не сказала, что непременно все посмотрю и заполню, верно? Я только постараюсь, но у меня может не получиться...

Так я успокаивала свою тещу-лень, но строгий голос совести уже распекал меня за то, что я морочу голову хорошему человеку.

Поэтому остаток обеденного перерыва я потратила не на кофе с булочкой, как хотела, а на заполнение присланной мне Полиной формы. Она оказалась электронной, так что можно было обойтись без бумаги и ручки, одним смартфоном.

Анкета включала полтора десятка вопросов, ответ надо было выбрать из предлагаемых вариантов. В большинстве случаев их было от трех до шести, не разгуляться было только с ответом на вопрос «Ваш пол?». Я с разгону отметила «женский», но потеряла половину куража уже на втором вопросе – про возраст.

Тут на выбор давались четыре категории: от четырнадцати до восемнадцати, от восемнадцати до двадцати пяти, от двадцати пяти до тридцати пяти и от тридцати пяти до пятидесяти лет. Мне сделалось неуютно от понимания, что мой вагончик – последний. Больше ждать нельзя, еще несколько лет – и в чудодейственную программу, вдохновенно разрекламированную Полиной, меня уже не возьмут. Похоже, полвека – это точка невозвращения.

Не будем же терять время!

Я с новым энтузиазмом включилась в процесс.

Третьим пунктом в анкете значился вопрос о моей жизненной позиции. Какая она – активная, спокойная, пассивная или агрессивная? – интересовались составители опросника.

Тут я немного подвисла, потому что агрессивная позиция ассоциировалась у меня с кулачным боем, а пассивная – с овощем на грядке. Надо было выбирать между активностью и спокойствием, а мне хотелось совместить то и другое, это максимально точно соответствовало бы лично моей жизненной позиции.

Я же как? То пашу, как лошадь, то лежу, как она же, только уже загнанная и пристреленная... Но «активная жизненная позиция» звучало получше, чем просто «спокойная», и я решила, что буддийской созерцательности во мне все же меньше, чем кипучей энергии, значит, пишу – активная.

Вопросы с четвертого по восьмой призваны были прояснить мое отношение к ЗОЖ.

Придерживаюсь ли я здорового образа жизни? – «Скорее нет, чем да». Чего я придерживаюсь относительно ЗОЖ? – «Не имею вредных привычек». Считаю ли я, что здоровый образ жизни способствует успеху в других сферах человеческой жизни – учебе, работе и т. д.?

Тут появилось пространство для маневра: помимо вариантов «Да, безусловно» и «Нет, не думаю», был предложен третий, творческий – «Ваш ответ».

Я воспользовалась возможностью самовыразиться и написала: «Не исключено».

Потом пошли вопросы про пользу йоги, мои предпочтения по части места для тренировок и цель, с которой я посещаю различные спортцентры. Среди них как-то неожиданно затесался вопрос о моем среднем ежемесячном доходе.

Я пожала плечами – никаких побочных доходов у меня не имелось – и выбрала из предложенных вариантов соответствующий моей судейской зарплате.

И снова зависла на блоке вопросов на тему стресса.

«Вы можете назвать себя стрессоустойчивым человеком?» – прямо спрашивали меня составители анкеты. Эм-м-м... ну как бы да, могу... но не очень уверенно. А, вот подходящий вариант: «Скорее да, чем нет». И меня тут же попросили признаться, как часто у меня происходят стрессовые ситуации. Я посмотрела варианты: «каждый день», «несколько раз в неделю», «раз-два в месяц», «раз в полгода» и «не помню, когда я в последний раз переживал или волновался» – и поняла, что я сильно переоценила свою стрессоустойчивость, потому как забыла уже, когда я не переживала и не волновалась. Пришлось отметить вариант «каждый день», определенно выдающий во мне особу крайне неуравновешенную, и, вернувшись к предыдущему вопросу, изменить ответ на

«Скорее нет, чем да». Совсем уже провальный вариант «Нет, ни в коем случае» я все же отвергла, потому как абсолютная неустойчивость к стрессам представлялась мне таким состоянием, поправить которое можно только в специальном закрытом медучреждении с крепкими санитарями. Хотелось думать, что для дурдома я пока еще не созрела.

Ответ на следующий вопрос больно ударил по моему самолюбию.

«Что помогает вам справляться со стрессом – медицинские средства, отдых на природе, тренинги, психолог, дыхательные упражнения, спорт, алкоголь?» – спросили меня.

Обидно, но в отсутствие варианта «безудержный жор» из всего перечисленного для меня актуален был только последний вариант: накануне под ток-шоу Халатова я как раз выпила рюмку коньяка.

Получалось, что я неуравновешенная алкоголичка!

Я расстроилась, но тут, словно предвидя, что к этому моменту я начну нервничать, составители анкеты милосердно намекнули, что для меня еще не все потеряно.

«Хотели бы вы посетить занятие, которое представляет собой авторскую технику обучения правильному дыханию, без физической и силовой нагрузки, только дыхание, приятная музыка, расслабление и высококлассный специалист в области медицины, контролирующий процесс?» – спросили меня.

«Да, конечно!» – ответила я, с облегчением осознав, что у меня еще есть альтернатива мягким стенам и смиренной рубашке.

И тогда у меня вкрадчиво поинтересовались, сколько я готова отдать за общий курс результативной подготовки.

Это определенно был вопрос с подвохом.

Я побоялась, что выберу слишком маленькую сумму и попаду на неэффективную программу с захудалыми тренерами. А если слишком расщедрюсь – заплачу в

разы больше, чем другие, за тот же самый курс.

Из осторожности я выбрала промежуточный вариант – от десяти до пятнадцати тысяч, хотя моя внутренняя жаба потестующе квакала и разминала лапки, желая меня задушить.

Чтобы утихомирить ее, я вспомнила, как чудесно в наши с ней общие годы выглядит моя ровесница Полина, и десять тысяч перестали казаться мне невыносимой суммой. Хотя пятнадцать все-таки воспринимались как перебор. Однако дюжью жабу я выкормила на вредной картошке с макаронками...

Справившись с анкетой, я приободрилась. Все-таки начало – половина дела!

У меня возникло приятное ощущение, будто я уже начала меняться к лучшему, и я закрепила его, заказав по ссылке, присланной Полиной, набор здоровой еды производства компании «Эйч Джи Секрет».

До сих пор я о таком бренде не слышала, но, судя по сайту, компания весьма обстоятельно подходила к производству товаров для здорового образа жизни. Кроме наборов здорового питания, она предлагала зожникам собственного производства одежду для занятий, рюкзаки, кружки, коврики и тому подобное. В неразворотливости этих ребят упрекнуть было нельзя: заказ, который я сделала в обед, курьер успел доставить мне к концу рабочего дня.

Собственно, я встретила этого курьера на крыльце здания суда в восемнадцать часов с минутами. Мимо уже шагали коллеги, торопясь разъехаться по домам, и мое свидание с курьером не осталось без свидетелей.

– А что это у нас тут такое? – Машка, конечно, не могла пройти мимо интересной сцены.

– Еда, – коротко ответила я, расписываясь в бланке заказа. – Спасибо!

Курьер кивнул и побежал дальше – у него в рюкзаке с лого «Эйч Джи Секрет» бугрились еще коробки, явно я была не единственной заказчицей фирменной продукции.

– Это еда? – Машка с нескрываемым сомнением посмотрела на кубическую коробку с гранью примерно в двадцать сантиметров. – Для пиццы как-то маловата...

– Это не пицца. – Я попыталась сунуть коробку в сумку, но она туда не влезла, пришлось нести ее в руках, светя на всю округу логотипом «Эйч Джи Секрет».

Нанесенный на серую крафтовую бумагу лаковой краской со всех сторон, фирменный логотип своеобразно сочетал ядовитую зелень и ядреную фуксию и при этом был такого размера, что только слепой не разглядел бы его с другой стороны улицы. Незрячих пешеходов поблизости не было, и мне казалось, что на мою флюоресцентную коробку таращатся абсолютно все.

– Эйч Джи Секрет – звучит интригующе, это что-то из интим-салона? – Машка понизила голос, но не отстала, наоборот, придвинулась ближе и потянулась к коробке.

Ну вот! Этого я и боялась! Люди будут думать, что у меня тут что-то неприличное! А все слово «секрет» в названии, это оно вызывает неоднозначные ассоциации. Нет бы окрестить свою компанию понятно и просто – «Здоровая еда», «Еда без вреда» или как-то вроде того.

– Афродизиаки, да? – Неугомонная Машка подтолкнула меня локтем и подмигнула.

– О господи! – Я затравленно огляделась. Оценила, как застыли на одной ножке некоторые наши коллеги, и с ускорением слетела по ступенькам. – Давай хоть в машину сядем...

«Хонду» мне сегодня повезло пристроить неподалеку, это спасло меня от расспросов на улице.

Азартно пыхтя, Машка влезла на переднее пассажирское сиденье и тут же начала потрошить злосчастную коробку. Я отдала ее подруге безропотно – проще было позволить ей разобраться самой, чем объяснять.

В коробке обнаружились одинаковые серые пакетики, отличающиеся только наклейками в виде ярких кружков. Наклейки были трех цветов: зеленые, желтые и оранжевые.

– Лаконично, – буркнула озадаченная Машка и бесцеремонно вытряхнула непонятные пакетики себе на колени, перевернув коробку вверх дном. – А, вот оно!

Под пакетиками нашлись прозрачная баночка с хорошенькими пилюльками, переливающимися нежно-розовым, как жемчуг, и небольшая цветная книжечка.

– А вот и инструкция! – Как человек основательный, всегда добросовестно изучающий матчасть, Машка первым делом взялась за книжечку. – «Поздравляем вас! Вы начинаете процедуру питания, направленную на достижение эффективного снижения веса с одновременным приведением в порядок всей пищеварительной системы. Это ваш первый шаг на пути чудесного преображения!»

Подруга скептически покосилась на меня, но от комментариев удержалась.

– «Главным достоинством наших овощных супов является уникальное сочетание органического овощного бульона из специально подобранного состава сублимированных овощей, оливкового масла, минимального количества соли и нескольких видов органик-наполнителя – овсяных хлопьев и отрубей, гречихи, проса, ячменя, а также высококачественного пробиотика из корня инулина и натурального яблочного пектина»... Мать, ты уверена, что будешь это есть? Звучит как-то не очень...

Я не была уверена, но не стала этого говорить, и Машка продолжила громкую читку:

– «Эти супы являются базовыми. Вы всегда можете добавить в них любую зелень, сухарики или свежие овощи», понятно, каша из топора, я бы туда первым делом мяса добавила... «Наши супы быстрорастворимые, полезные, они стильно и удобно упакованы и в сочетании с эффективной пищевой добавкой «Нутровиталь Форте» не только хорошо насыщают, но и эффективно воздействуют на перистальтику желудочно-кишечного тракта, способствуют снижению холестерина, уменьшению всасывания глюкозы, повышают иммунитет

и улучшают обмен веществ»... Ха, столько пользы в таких маленьких пакетиках? «Стандартный набор здорового питания на неделю включает двадцать один пакетик растворимых супов: «Утро» – семь штук, «День» – семь штук, «Вечер» – семь штук. БАД «Нутровиталь Форте № 30» – одна штука. Порадуйте себя и своих близких стройной фигурой!» – Машка дочитала и перевела сочувственный взор с инструкции на меня. – Это тебя Сашка заставила, да?

– Нет, я сама. – Я несколько нервно собрала пакетики, побросала их в коробку и переставила ее на заднее сиденье.

– Ну ладно. Как говорится, чем бы дитя ни тешилось, – сказала Машка, явно решившая, что я сдала позиции и пошла на поводу у зожницы-дочки. – И вообще, что такое материнский долг и родительская самоотверженность – это каждый понимает по-своему.

Она вылезла из машины и уже с улицы закинула в закрывающуюся дверь гранату:

– А я сегодня приготовлю своим запеканку по рецепту твоей бабули.

Какая коварная женщина моя лучшая подруга!

И зачем только я поделилась с ней бабулиным рецептом картофельной запеканки с мясом «по-кузнецовски»?!

Вид, вкус и запах одного из фирменных блюд моей бабули воображение воспроизвело моментально и во всех деталях. Я ощутила нежность воздушного пюре и сочность фарша, уловила аппетитный мясной дух с мажорными тонами лука с перцем и ноткой розмарина, увидела золотисто-коричневую сырную корочку... Зрительно-обонятельно-вкусовая галлюцинация была такой стойкой, что нисколько не развеялась за те полчаса, пока я ехала домой.

Коробку с растворимыми супами и жемчужными пилюльками я бросила в прихожей.

Детали старой железной мясорубки пришлось поискать в дальнем ящике кухонного стола, но будучи собранным древний агрегат показал себя с самой

лучшей стороны.

Купленное по дороге свежее мясо быстро превратилось в сочный фарш идеальной кондиции, картошку и лук я почистила так быстро и ловко, словно участвовала в кулинарном соревновании, и нужные приправы – смесь перцев, розмарин и лаврушка – нашлись без задержки.

«У нас на ужин тоже бабулина запеканка!» – гордо написала я Машке, сунув противень в духовку.

«Фух, отлегло, теперь я за тебя спокойна», – ответила мне она.

Вот и иди тут по пути чудесного преображения – с коварными личностями в близком окружении и здоровенным куском запеканки в желудке!

Ладно, встану на этот самый путь завтра.

Глава 4. Гуси, гуси, га-га-га

Все-таки здоровый образ жизни – это прекрасно!

Особенно когда ведет его кто-то другой.

Сашка наконец уговорила своего сердечного друга Фому Горохова начать пробежки по утрам, и, поскольку убежденному лентяю Фоме необходим был личный тренер-мотиватор, умелась из дома чуть ли не на рассвете.

Мне было искренне жаль Фому – парень серьезно попал, можно было не сомневаться, что Сашка не позволит ему свернуть с беговой дорожки, пока юношеский жирок не превратится в стальные мускулы.

С другой стороны, Фома был сам виноват: не следовало ему водить подружку в кино на фильмы про «Мстителей», отличающихся если не умом и сообразительностью, то уж точно эталонными фигурами. Сашка, не будь

дурочкой, взяла за образец молодого Тора, и теперь бедняге Фоме Горохову предстояла персональная битва за Асгард.

Я парню сочувствовала, правда, но меня искренне радовала открывшаяся возможность принимать утренние водные процедуры без задержки и острой конкурентной борьбы.

А Натка, оказывается, знала о новых планах моей энергичной дочери и позвонила мне этим утром в полной уверенности, что Сашка не услышит наш разговор.

– Май систер! – сказала она озабоченно. – Ты вообще думаешь что-то делать с предстоящим хэппи бездеем?

– Что, Сенька начал заниматься английским? – догадалась я, а потом до меня дошел смысл вопроса. – Ты спрашиваешь про день рождения Сашки? Так мы уже вроде все решили. пышного праздника не будет, как-то ни денег нет, ни настроения, и потом, шестнадцать лет – это все же не юбилей.

– Зато какой рубеж! В шестнадцать можно уже замуж выйти!

– Да типун тебе на язык! – Легкомысленная сестрица озвучила мой вечный страх, и я рассердилась. – В шестнадцать можно вступить в брак только при наличии уважительных причин с разрешения органов местного самоуправления!

– Ну да, по беременности, например...

– Два типуна тебе на язык!!!

– А что такого я сказала? – Натка пошла на попятный. – Просто напомнила, что возраст важный. И замуж уже можно, и родителем быть, и водительские права получить...

– Слушай, хватит меня нервировать с утра пораньше!

– Да я же наоборот! Порадовать хочу! – Натка обиделась. – У тебя сейчас трудный период, а у Сашки дэ рэ, не оставаться же девчонке без праздника

только потому, что ее мамаша не в настроении веселиться!

Я почувствовала себя пристыженной.

- Сашка сама не хочет праздновать...

- Это она тебе так сказала? И ты поверила? - Сестрица хмыкнула. - Чтобы девчонка в шестнадцать лет не хотела праздник, новое платье, красивую прическу, подарки и гостей, которые будут ею, такой красивой, любоваться? Лена, не разочаровывай меня, я думала, ты разбираешься в людях!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ustinova_pavel/po-zozhu-serdca

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)